
**УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

© 2022 г. Н. В. Генрих

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар

E-mail: ngenrih@mail.ru

Поступила в редакцию 24.01.2022 г.

Аннотация. В статье обсуждается вопрос о взаимосвязи процесса криминализации общественно опасных деяний и международно-правовых отношений. Подчеркивается двусторонний характер такой связи: влияние норм международного права на трансформацию уголовного закона и воздействие посредством уголовного закона на международные и внешнеполитические отношения. Отмечается недостаточность политико-доктринальных построений для разрешения вопроса о взаимосвязи международного и внутреннего права. Раскрывается содержание разработанного и апробированного Конституционным Судом РФ двухуровневого правового механизма достижения баланса международного и внутреннего уголовного права, включающего тестирование международных предписаний на предмет соответствия конституционным основам государственности и конституционной идентичности страны и уголовно-правовым принципам. Определены достоинства и риски его функционирования.

Ключевые слова: криминализация, уголовная политика, принципы уголовного права, соотношение международного и национального права.

Цитирование: *Генрих Н. В.* Криминализация и международные отношения // Государство и право. 2022. № 11. С. 114–122.

DOI: 10.31857/S102694520022765-2

CRIMINALIZATION AND INTERNATIONAL RELATIONS

© 2022 N. V. Genrikh

North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar

E-mail: ngenrih@mail.ru

Received 24.01.2022

Abstract. The article discusses the relationship between the process of criminalization of socially dangerous acts and international legal relations. The bilateral nature of such a relationship is emphasized: the influence of international law norms on the transformation of criminal law and the impact of criminal law on international and foreign policy relations. The insufficiency of political and doctrinal constructions to resolve the issue of the relationship between international and domestic law is noted. The article reveals the content of a two-level legal mechanism developed and tested by the Constitutional Court of the Russian Federation to achieve a balance of International and domestic Criminal Law, including testing international regulations for compliance with the constitutional foundations of statehood and constitutional identity of the country and criminal law principles. The advantages and risks of its functioning are determined.

Key words: criminalization, criminal policy, principles of Criminal Law, correlation of International and national Law.

For citation: *Genrikh, N.V. (2022).* Criminalization and international relations // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 114–122.

Введение

Современный период истории цивилизации характеризуется интенсивным и остро противоречивым взаимодействием и взаимовлиянием правовых систем различных государств, а также национального и международного правопорядка в целом. Процесс этот под именем правовой глобализации прочно вошел в перечень актуальных проблем юридической науки, закономерно стимулируя формирование порой прямо противоположных теоретических конструкций, оправдывающих активный поиск как механизмов глобальной конвергенции права, так и путей защиты уникальных особенностей национального права от глобализационных трансформаций. Тема глобализации при этом затронула не только вопросы общей теории права и его конституционных основ¹, но также и отраслевое, в рассматриваемом случае – уголовно-правовое регулирование². Скажем больше: именно в сфере уголовного права вопросы международного взаимодействия приобретают особую остроту, что связано как с высокой значимостью угроз, на которые призвано воздействовать уголовное право и которые в современных условиях приобрели глобальный характер, выйдя за территориальные и социальные пределы отдельного государства, так и с особым, устоявшимся представлением о национальном государстве как о единственном носителе уголовно-правового суверенитета, единственном легитимном субъекте права на применение уголовного наказания в качестве наиболее острой и травмирующей формы принудительного ограничения прав и свобод человека.

Это, пожалуй, главное противоречие уголовно-правовой глобализации – между инновационно универсальными угрозами и традиционно локальными средствами воздействия на них, несмотря на свой всеобъемлющий и всеопределяющий характер, тем не менее не исчерпывает комплекса проблем, возникающих в точке взаимодействия уголовного права и тенденций международного развития.

Оно, по сути, детерминирует только одно направление развития уголовного права, которое связано с формированием международно-правовых основ противодействия преступлениям и трансформацией национальных законов под влиянием этих международных стандартов, все более приобретающих силу основ, принципов, базиса уголовно-правового регулирования.

¹ См.: *Shapiro M.* (1993). The globalization of law. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 37–64; *Марченко М. Н.* Государство и право в условиях глобализации. М., 2008; *Michaels R. C.* (2013). *Globalization and Law: Law Beyond the State*. P. 287–303 // *Banakar R. and Travers M. (eds)*. *Law and Social Theory*. 2nd ed. Oxford and Portland, Oregon.

² См.: *Шунеман Б.* Уголовное право под знаком глобализации // Современное уголовное право и криминология: сб. науч. ст. / отв. ред. А. Э. Жалинский. М., 2007. С. 107–120; *Спиридонов А. П.* Уголовное право Российской Федерации и правовая глобализация: влияние и соотношение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006; *Хиллота В. В.* Философия глобализации уголовного права // *Росс. журнал правовых исследований*. 2019. Т. 6. № 2 (19). С. 73–81; *Al-Refo M. Y. D. and Faqir R. S. A.* (2016). From Legal Translation to Legal Globalization: Globalization of Criminal Laws to Counter Global Crimes. *International Journal of Social Science and Humanity*. Vol. 6. No. 4. P. 275–281; *Shirin A. D., Khyavi A. E. and Shamloo B.* (2018). The globalization of criminal law focuses on organized crime. *Revista Amazonia Investiga*. Vol. 7. No. 12. P. 215–225.

Однако наряду с ним активно развивается, хотя еще и остается недостаточно осмысленным в теоретическом отношении, еще одно направление в развитии уголовного права. Речь идет о динамичном развитии национального уголовного права не только под влиянием норм международного и транснационального уголовного права, но и под непосредственным влиянием динамики международных отношений, которая не находит прямого отражения в правовых нормах.

Сегодня все более ощущается растущее противоречие между этими направлениями. Если опосредованная конвенционными нормами трансформация уголовного закона в большей степени ориентирована на выработку единых стандартов уголовно-правового регулирования и уголовно-правовой защиты общественных отношений, способствуя сближению национальных уголовно-правовых систем и утверждению ценности международного правопорядка, то прямое изменение уголовного закона под влиянием международных отношений все больше используется в качестве средства защиты специфических интересов того или иного государства от международного влияния, отставания и продвижения этих интересов в сфере международных отношений. Это противоречие отражает различные аспекты взаимодействия международной и национальной политики государства: изменение внутреннего права под влиянием международной политики и изменение международной политики под влиянием внутреннего права.

Романтизм и скептицизм как доктринально-политические установки в отношении международного права. Влияние норм международного права на процессы криминализации общественно опасных деяний является неоспоримым фактом. В фундаментальной работе, посвященной основаниям уголовно-правового запрета, в качестве одного из базовых положений теории криминализации был сформулирован принцип ее международно-правовой необходимости и допустимости. Суть принципа состоит, с одной стороны, в необходимости систематически приводить уголовное законодательство в соответствии с принятыми государством международными обязательствами по борьбе с преступностью, а с другой – в обязательной предварительной проверке оценки предлагаемого изменения уголовного законодательства с позиций его соответствия названным обязательствам³. Обратим внимание: с формальной стороны здесь речь идет именно о принципе, т.е. основополагающем положении теории криминализации, а с содержательной – о необходимости коррекции уголовного законодательства в соответствии с требованиями международных обязательств государства.

Однако в научных сочинениях об этом принципе либо не упоминается вовсе⁴, либо без использования слова «принцип» в ряду параметров обусловленности криминализации упоминается «учет международного опыта в области криминализации (декриминализации)»⁵. Не стоит доказывать, что «принцип необходимости соответствия» и «учет в целях обеспечения обусловленности» – выражают

³ См.: *Основания уголовного-правового запрета. Криминализация и декриминализация* / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М., 1982. С. 231.

⁴ См., напр.: *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. М., 2009; *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019.

⁵ *Прокументов Л. М.* Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. С. 59.

качественно различающееся отношение к нормам международного права.

Сама идея взаимодействия международного и внутреннего права, в том числе в сфере регулирования уголовно-правовых отношений, может считаться общепризнанной. Камень преткновения специалистов — расстановка акцентов и приоритетов в таком взаимодействии. По данному вопросу известны две крайние позиции. Одни делают ставку на приоритет международного права⁶, другие — на национальные интересы⁷. Очевиден не только глобалистский и антиглобалистский настрой рассуждений их сторонников, но и принципиальные различия в аргументации авторских построений, одно из которых подчеркнута формально, догматично, юридизировано, второе же — в большей степени социологично и политологично. С известной долей условности эти позиции можно соотнести с концепциями правового романтизма и правового нигилизма.

Романтизм основан на гипертрофированном понимании роли юридических средств в осуществлении социально-экономических, политических и иных задач без учета их реальных возможностей⁸, а потому зачастую характеризуется «отрывом от действительности, наивностью, непрактичностью, прекраснотушными мечтаниями о прекрасном, совершенном, но нереальном», «заключает в себе идеалистические намерения людей, которые искренне верят во всемогущество принимаемого закона, новых реформ»⁹.

Уже только по этой причине в споре о приоритете норм международного права группа аргументов, восходящая к реальной практике правовой глобализации, а точнее к ее порокам и недостаткам, которые отчетливо проявились в деятельности Международного уголовного суда¹⁰, развитии концепции активистского и эволютивного толкования международных норм Европейским Судом по правам человека¹¹, насаждении под угрозами санкций тех или иных правовых и социальных стандартов¹², в последние годы стала все более заметной и влиятельной в научном дискурсе.

Общее мнение скептиков здесь вполне четко озвучил О.В. Дамаскин: «Современное состояние международных

⁶ См.: *Кибальник А.Г.* Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. СПб., 2003. С. 184, 185.

⁷ См.: *Ведерникова О.Н.* Национальные интересы России в международном уголовном праве: пути и способы обеспечения // Российское уголовное право: традиции, современность будущее: материалы науч. конф. / отв. ред. Н.И. Кропачев, Б.В. Волженкин. СПб., 2005. С. 181, 183.

⁸ См.: *Гойман В.И.* Правовой нигилизм: пути преодоления // Сов. юстиция. 1990. № 9. С. 4.

⁹ *Аксенова Г.Н.* Характер соотношения правового нигилизма и правового идеализма // Российско-Азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 6.

¹⁰ См.: *Krever T.* (2013). International Criminal Law: An Ideology Critique. *Leiden Journal of International Law*. Vol. 26. No. 3. P. 701–723; *Jalloh C.* (2009). Regionalizing International Criminal Law? *International Criminal Law Review*. Vol. 9. No. 3. P. 445–499.

¹¹ См.: *Cohn M. and Kremnitzer M.* (2005). Judicial Activism: A Multidimensional Model. *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*. Vol. 18. No. 2. P. 333–356; *Bierkens I. and Vlieks C.* (2015). Methods of Lawmaking of the European Court of Human Rights: Do Hard Cases make Bad Law? *A Case Study*. *Tilburg Law Review*. Vol. 20. P. 107–121.

¹² См.: *Dickson T.* (2019). *Furies: Essays on the Poverty, Rise, and Demise of International Criminal Law*. Belgrade.

и межгосударственных отношений характеризуется кризисом мирового порядка: девальвацией институтов государства и права; разрушением традиционных национальных и международно-правовых отношений; трансформацией нравственно-правовых ценностей в общественном сознании. <...> Актуальная система международного права утрачивает свою действенность, подменяясь локальными актами, концепциями и доктринами, выражающими групповые интересы транснациональных финансово-экономических и промышленно-производственных структур, занимающих надгосударственный уровень и манипулирующих правительствами в своих эгоистичных интересах»¹³. С учетом таких оценок формулируются тезисы о разрушающем воздействии кризиса международного правопорядка на внутреннее уголовное право и уголовную политику¹⁴.

Закономерным следствием таких оценок становится желание «закрыться» от этого внешнего влияния, выстроив определенные политические и правовые барьеры, охраняющие внутреннее право и национальную самобытность от всепроникающего влияния международно-правовых установлений. Отсюда — один шаг к монистическим концепциям безусловного примата норм национального права перед правом международным либо к дуалистическому пониманию их непересекаемого соотношения, а в целом — к правовому и политическому изоляционизму.

Однако должно быть очевидным, что это крайность иного свойства, нежели правовой романтизм, граничащая с проявлением нигилистического отношения к международному праву и потому скрывающая не меньше рисков и опасностей. «Отгораживаясь от остального мира изоляционистской программой, можно на какое-то время решить внутренние задачи. Но можно... взрастить семена этнического, конфессионального или иного изоляционизма, который, выплескиваясь на национальные границы, способствует росту экстремизма и терроризма уже не в национальном, а глобальном масштабе»¹⁵.

Как можно понять из всего сказанного, ни международно-правовой романтизм с его ставкой на усиление глобализации права и приоритет международно-правовых норм, ни международно-правовой нигилизм с его стремлением к наращиванию изоляционизма и приоритету внутреннего права, в современных сложных политико-правовых и международно-правовых условиях не могут выступать надежной основой развития уголовного права (да и права вообще).

Причина тому — не только и даже не столько в крайнем характере самих позиций. Причина скорее в том, что эти позиции не являются собственно правовыми, они суть политико-идеологические, сформированы под влиянием не логики права как такового, но взаимосвязи политико-правовых явлений.

Специальные отраслевые исследования убедительно доказывают, что состояние уголовного права определяются именно характером международных отношений, уровнем

¹³ *Дамаскин О.В.* Государство и право в условиях кризиса современной цивилизации // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2 (16). С. 106, 107.

¹⁴ См.: *Клейменов И.М.* Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. С. 307.

¹⁵ *Терновая Л.О.* Изоляционистские модели внешней политики // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 1 (103). С. 157–164.

добрососедства, степенью активности и успешности государства в отстаивании своих национальных интересов в сфере международной политики¹⁶. Это факт неизбежный. Но в тоже время и потенциально опасный, создающий предпосылки для политизации права, превращения его всего лишь в инструмент осуществления международной политики, инструмент манипулирования международными обязательствами государства в зависимости от международной конъюнктуры. Такие риски несочетаемы с идеей верховенства права, а потому должны быть минимизированы, а лучше — устранены, причем посредством самого права.

Упорядочение взаимодействия международных и национальных уголовно-правовых норм: доктринальные попытки. Вопросы обеспечения гармонии между нормами внутреннего уголовного права и положениями международного права находятся в центре внимания многих специалистов, которые стремятся разработать некий теоретический механизм, обеспечивающий их согласованное развитие.

Первый подход состоит в изменении логической последовательности-принятия решений относительно имплементации норм международного права в национальную систему. Так, О.Н. Ведерникова, ссылаясь на опыт зарубежных стран, указывает, что «многие государства строят свои взаимоотношения с международным правом следующим образом: вначале имплементируют международные нормы, проверяют их эффективность во внутренних условиях и только в случае «приживаемости» на национальной почве берут на себя соответствующие международные обязательства, которые фактически ими уже выполнены. Такой алгоритм имплементации позволяет избежать проблемы несоответствия международного и внутригосударственного права»¹⁷.

Весьма интересное и на первый взгляд простое решение. Однако оно, как представляется, не соответствует ни правовой, ни политической логике, допуская изменение уголовного закона методом «проб и ошибок», не раскрывая оснований для имплементации международных норм, не связывая вопрос о подписании международного договора с работой государства по составлению его текста и отстаиванию в этом тексте собственного видения вариантов решения той или иной правовой проблемы.

Когда изменения уголовного закона выглядят и развиваются как целенаправленная политическая акция приведения внутреннего права в соответствие с нормами и принципами международного права, когда они обуславливаются требованием исполнения государством своих международных обязательств, отношение к самим этим изменениям, и к процедуре их внесения, и к последующей правоприменительной реализации должно быть качественно иным. Соответственно, обычное, «ординарное» изменение уголовного закона с целью «примерки» тех или иных международных стандартов до момента официального принятия этих стандартов в качестве обязательных, девальвирует и сами эти стандарты, и в целом международно-правовой порядок.

«Примерка» международных норм, действительно, должна осуществляться до момента подписания международного договора. Однако «подгонка» под собственную «правовую

фигуру» должна состоять не в том, чтобы взять эти нормы «на пробу» и отвергнуть в ситуации, когда они «не подошли». Она должна заключаться в активной работе государства по продвижению собственных интересов в содержании норм международного права, в «крое» их «под себя».

Второй подход делает ставку не на формальный, а на содержательный момент взаимоотношений международного и внутреннего права и берет за основу характер тех правовых проблем, вокруг которых разворачивается проблема имплементации. Здесь предложено несколько содержательно различающихся, но единых в своей методологической платформе решений.

А.И. Бойко говорит о возможности экстраполяции на сферу международно-правовых отношений отечественной конституционной модели разграничения предметов ведения между центральной и региональной властями и дифференциации, исходя из этого, «степеней превосходства» международного права в области противодействия преступлениям, в зависимости от характеристики самих преступлений (преступления против мира, конвенционные преступления, преступления с иностранным элементом)¹⁸.

Е.Н. Рахманова строит свою концепцию расстановки приоритетов и степени сближения международного и национального права, отталкиваясь от концепции прав человека: чем ближе к области прав человека, тем теснее связь уголовного права отдельных государств и больше наложен друг на друга, чем дальше — тем больше разнообразия и дифференциации в национальных уголовно-правовых системах¹⁹. Близкие суждения высказывает О.Н. Библик²⁰.

Эти весьма интересные теоретические построения при ближайшем рассмотрении оказываются, тем не менее, крайне уязвимыми для практического воплощения. Во-первых, они исходят из ложной посылки о наличии некоего международного единства, консенсуса в понимании прав человека и общечеловеческих ценностей, в понимании классификации преступлений и их признаков. Во-вторых, дробление «предметов ведения» или «сфер компетенции» между национальным и международным правом, особенно когда речь идет об отношениях, связанных с защитой прав человека, едва ли возможно. В-третьих, даже если допустить разграничение уголовно-правовых отношений между международным «центром» и отдельными суверенными «регионами», необходимо признать, что есть некие «сквозные» темы международно-правового регулирования, а разграничение уголовно-правовых отношений не будет совпадать с разграничением иных сфер регулирования. Наконец, в-четвертых, эти построения также не дают ответа на вопрос о том, какие и когда международные нормы могут быть признаны для государства обязательными к исполнению.

Можно заключить, что предлагаемые исследователями формалистские и содержательные попытки упорядочить соотношение международного и национального права

¹⁸ См.: *Бойко А.И.* Система и структура уголовного закона: в 3 т. Т. II. Системная среда уголовного права. Ростов н/Д., 2007. С. 152–157.

¹⁹ См.: *Рахманова Е.Н.* Защита прав человека от преступности в условиях глобализации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 280, 281.

²⁰ См.: *Библик О.Н.* Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 13.

¹⁶ См.: *Пудовочкин Ю.Е.* Закономерности формирования и развития российской уголовной политики в условиях глобализации // Журнал рос. права. 2017. № 3 (243). С. 90, 91.

¹⁷ *Ведерникова О.Н.* Международно-правовые основы российского уголовного права и практики его применения // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 25 (711). С. 26.

в области регулирования уголовно-правовых отношений не достигают своих целей. К тому же, являясь продолжением авторских теоретических построений, они могут рассматриваться не иначе как часть их исследовательского политического проекта, которая, сколь бы привлекательной не была в доктринальном плане, остается лишенной правовых оснований и правовых аргументов; это доктринальные, но не юридические построения.

Правовой механизм обеспечения баланса норм международного и внутреннего права в криминализации общественно опасных деяний. Сложности и противоречия взаимодействия международного и внутреннего права в сфере уголовно-правовых отношений для своего разрешения требуют разработки и функционирования такого механизма обеспечения баланса между ними, который опирался бы сугубо на правовые принципы. Можно утверждать, что в нашей стране во многом благодаря титаническим усилиям Конституционного Суда РФ такой механизм в целом создан.

Он основывается на принципиальных положениях, изложенных в ряде решений Конституционного Суда РФ, посвященных вопросам взаимодействия российского и международного права²¹, а также конституционным основам уголовно-правового регулирования²².

Механизм трансформации уголовного законодательства под влиянием международно-правовых норм может быть представлен в виде двухуровневой программы.

На первом уровне положения международного права в сфере противодействия преступлениям, прежде чем быть имплементированы в российскую правовую систему, должны пройти «конституционный фильтр». В этих целях они подвергаются проверке на соответствие как минимум двум взаимосвязанным, но при этом относительно

²¹ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 30, ст. 4658; постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу “ОАО “Нефтяная компания “ЮКОС” против России”” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 5, ст. 866.

²² См.: постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2003. № 14, ст. 1302.

самостоятельным критериям. Первый – права и свободы человека, причем в том их истолковании, которое признается верным и адекватным Конституционным Судом РФ. Второй – национально-культурная самобытность России. При этом важно подчеркнуть, что особенности понимания содержания, объемов и пределов прав человека определяются Конституционным Судом РФ именно исходя из специфических особенностей самой Российской Федерации как государства, имеющего свой уникальный правовой опыт. Ключевым понятием, интегрирующим в себе возможности национальной интерпретации универсальных прав и свобод человека, стало понятие конституционной идентичности, прочно вошедшее в обиход при аргументации Конституционного Суда РФ²³.

Второй уровень предполагает проверку предложений по допустимому изменению уголовного законодательства конституционным основам уголовно-правового регулирования, принципам уголовного права и национальным уголовно-правовым конструкциям.

В данном случае речь идет по большей части о юридико-технических особенностях адаптации международных норм к национальным уголовно-правовым традициям и стандартам. Это предполагает соответствие требованиям, связанным с пониманием источников уголовного права, разграничением уголовного и административно-деликтного права, адекватизацией (в том числе лингвистической) юридической терминологии, соблюдением конституционных критериев и правил криминализации общественно опасных деяний и т.д., при той важной конституционной оговорке, что законодатель самостоятельно решает вопросы преступности и наказуемости деяний.

Такой двухступенчатый механизм позволяет признать, что в ряду принципов криминализации расположено не требование соответствия уголовного закона нормам международного права, не пожелание их учета в процессе принятия уголовно-правового решения, а принцип соблюдения конституционных основ уголовного права в процессе обеспечения его соответствия принципам и нормам международного права.

Критические замечания по поводу действующего механизма. Представленный механизм «фильтрации» международных предписаний на пути их внедрения в ткань уголовного законодательства, при всей его логичности, не свободен от критики. И критика эта обращена в первую очередь к самим «фильтрам».

Во-первых, к конституционным стандартам приемлемости международных норм. В науке, на наш взгляд, весьма убедительно доказано, что поиск и обоснование конституционной идентичности, который всегда сопряжен с анализом и балансировкой социальных ценностей, переводом ценностей социальных в разряд ценностей правовых, может рассматриваться как недопустимое проявление судебного активизма и втягивания суда в политику²⁴. Полити-

²³ См.: Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 г. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://www.krsf.ru/> по состоянию на 28.10.2021 г.

²⁴ См.: Белов С. Ценностное обоснование решений как проявление судебного активизма Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 147.

зированность решений, обосновываемых соображениями конституционной идентичности, также прямо признается в литературе²⁵.

Не углубляясь в обсуждение этих проблем, отметим лишь несколько наиболее показательных примеров, где соображения конституционной идентичности (читай — культурно-исторических особенностей) возобладали над сугубо правовыми стандартами. Среди них ситуация, сложившаяся вокруг законодательного запрета на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (ст. 6.21 КоАП РФ)²⁶, и вопрос о свободе выражения мнений, в том числе в публичных местах, предназначенных для отправления культа²⁷, которые уже вызвали некоторое напряжение во взаимодействии международного и национального права в оценке деликтных отношений.

Можно констатировать, что именно подключение аргументации, связанной с необходимостью учета «специфики», «самобытности» российских условий, традиционных культурно-исторических ценностей для решения вопроса о содержании прав человека и балансе между правоохраняемыми ценностями стало причиной подобных ситуаций. В нашу задачу не входит оценка принятых законодателем решений. Мы лишь стремимся показать, что «фильтр» конституционной идентичности, создавая определенность внутри национальной правовой системы, не исключает (а иногда и прямо предполагает) наличие неопределенности в универсальном истолковании прав человека, а следовательно, и в содержательном определении основных направлений правовой политики государства. Более того, чем ближе та или иная правовая ситуация к феномену прав человека, тем сильнее влияние национально-культурных и исторических особенностей, и тем выше уровень потенциального напряжения между международным и внутренним правом. Соответственно, «чем дальше глобализирующиеся правовые нормы и практика удаляются от основных местных культурных институтов и верований, тем меньше

²⁵ См.: *Комишкова О. В.* Стратегии легитимации решений Конституционного суда России: обоснование по политически значимым делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 121.

²⁶ См.: постановление Европейского Суда по правам человека от 21.10.2010 г. Дело «Алексеев против России» [Alekseyev v. Russia] (жалобы №№ 4916/07, 25924/08 и 14599/09); определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2013 г. № 1718-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексея Николая Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 7.1 Закона Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁷ См.: постановление Европейского Суда по правам человека от 17.07.2018 г. Дело «Мария Алехина и другие против Российской Федерации» [Mariya Alekhina and Others v. Russia] (жалоба № 38004/12); определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 г. № 2521-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алехиной Марии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // В официальных источниках опубликовано не было; Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 г. № 1873-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Толоконниковой Надежды Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // В официальных источниках опубликовано не было.

вероятность того, что глобальные нормы вызовут явное оспаривание и конфронтацию»²⁸.

Второй блок критических замечаний адресован статусу уголовно-правовых принципов в качестве фильтра для криминализации тех или иных деяний, рекомендованных или предписанных международным правом. Дело в том, что свобода усмотрения законодателя в криминализации деяний во многом распространяется и на свободу его отношения к самим уголовно-правовым принципам и конструкциям.

Так, к примеру, обусловленная необходимостью выполнения международно-правовых обязательств, в частности, ст. 1 Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития против коррупции, криминализация Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ обещания или предложения посредничества во взяточничестве²⁹, вызвала немало дискуссий в науке с точки зрения соответствия сконструированного состава преступления учению о составе преступления, о соучастии и об основаниях уголовной ответственности. Изменения же уголовного закона, вызванные необходимостью выполнения обязательств, вытекающих из Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма³⁰, и вовсе изменили одно из принципиальных положений Кодекса, определяющих пределы его действия в пространстве (ст. 12 УК РФ).

В то же время международные предписания Конвенции ООН против коррупции относительно установления уголовной ответственности за незаконное обогащение блокируются аргументами о том, что криминализация этого деяния не соответствует ст. 49 и 51 Конституции РФ, согласно которым обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность и не обязан свидетельствовать против себя самого, а также ст. 50 Конституции РФ, которая провозглашает запрет на повторное осуждение за одно и то же преступление³¹. А рекомендации международного сообщества, связанные с установлением уголовной ответственности юридических лиц, блокируются соображениями, по которым такая конструкция не согласуется с уголовно-правовыми принципами личной и виновной ответственности³².

²⁸ *Halliday T.C. and Osinsky P.* (2006). Globalization of Law. Annual Review of Sociology. Vol. 18. No. 32. P. 447–470.

²⁹ См.: Пояснительная записка к законопроекту № 1079243-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

³⁰ См.: Пояснительная записка к законопроекту № 282601-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму».

³¹ См.: Заключение Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции по проекту федерального закона № 757818-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части введения понятия незаконного обогащения и иных мер, направленных на противодействие коррупции».

³² См.: Официальный отзыв на проект федерального закона № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц».

Создается устойчивое ощущение того, что принципы уголовного права выполняют в подобной ситуации свойство «ширмы», которая может раздвигаться или, напротив, складываться в целях прикрытия решения, которое аргументировано иными, по большей части политическими соображениями, нежели соображениями, основанными на анализе самих уголовно-правовых конструкций.

Изложенное позволяет заключить, что созданный механизм «фильтрации» международных норм, призванный обеспечить их согласованное функционирование с нормами внутреннего в рамках единой правовой системы страны, имея в своей основе широкое усмотрение Конституционного Суда РФ и парламента в оценке степени приемлемости этих международных норм и целесообразности их имплементации, в большей степени подчинен интересам определенности внутригосударственного права, нежели его гармонизации с правом международным, ориентирован в большей степени на охрану незыблемости государственного суверенитета, нежели интересов международно-сотрудничества.

Экспансия уголовно-правового суверенитета в международное пространство. Ставка на суверенитет не только дает возможность защитить культурно-исторические и социально-правовые особенности государства, отстоять «идентичность» перед угрозами «универсализации», она открывает еще одну возможность, о которой не часто пишут в литературе. Речь идет о том, что суверенитет становится не только «оборонительным» средством, но и средством «наступательным». Он все чаще используется в качестве политико-правовой основы для продвижения, порой агрессивного, национальных интересов того или иного государства на международной арене. В таком продвижении, самом по себе, нет ничего предосудительного или недопустимого. Более того, его можно рассматривать как неотъемлемую черту сильного государства. Однако в некоторых ситуациях такое продвижение создает повод для настороженных и более того — критических оценок государственной политики.

Одним из проявлений сомнительного использования возможностей суверенитета следует признать практику криминализации во внутреннем уголовном праве страны таких действий, которые идут вразрез с проводимой и поддерживаемой государством международной политикой.

Пожалуй, наиболее яркие примеры такой практики дает уголовное законодательство советского времени (вспомним ст. 61 УК РСФСР 1922 г., ст. 73 УК РСФСР 1960 г.). Однако и сегодня изменения в международных отношениях, а точнее изменение в оценках этих отношений со стороны государства, прямо отражаются в тексте уголовного закона, хотя при этом и не аргументируются прямо международной политической ситуацией.

Так, Уголовный кодекс РФ пополнился ст. 284¹, 330¹. Кроме того, законодатель предпринимал попытки внести в уголовный закон нормы об ответственности за исполнение на территории Российской Федерации санкций иностранных государств³³; об ответственности за отрицание фактов геноцида русского народа (в пояснительной записке к законопроекту отмечалось, среди прочего, что «последняя объявленная война против русских — это конфликт на

востоке Украины»³⁴), об ответственности за распространение заведомо ложных, неточных или искаженных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Российской Федерации, правовом положении граждан в Российской Федерации, дискредитирующих Российскую Федерацию или ее органах власти (в пояснительной записке к проекту закона отмечалось, что современная международная ситуация характеризуется «войной за взгляд на мир», широчайшим воздействием информационной сферы на массы, пропагандой, которая оседает информационным шумом в сознании потребителя³⁵).

Подобного рода изменения уголовного закона напрямую определяются не только заботой о внутренней безопасности и стабильности государства, но и состоянием международной политики и международных отношений. Едва ли не любое напряжение и противоречие здесь приводит к попыткам использовать уголовный закон для ответа на международные вызовы. Причем этот ответ может выглядеть как: а) естественное продолжение внешней политики (например, в ситуации со ст. 73 УК РСФСР 1960 г.); б) логичный и симметричный ответ на осложнение международной обстановки (как в ситуации со ст. 284¹ УК РФ 1996 г.); в) провокация и демонстрация (например, в случае криминализации дискредитации Российской Федерации или отрицания геноцида).

Безусловно, уголовный закон должен и может быть использован в качестве допустимого и оправданного средства реагирования на международные и внешнеполитические вызовы. С точки зрения вопросов социальной обусловленности уголовного закона такие вызовы не отличаются от внутригосударственных угроз. Опасность и риски возникают там и тогда, где и когда такое использование не подчиняется задачам собственно уголовного права. Подчеркнуто политическое манипулирование уголовным законом является разрушительным как для самого законодательства, так и для сферы международных отношений, к которой оно обращено.

Заключение

Анализ доказывает, что доктринально-политические дискуссии о примате норм международного права над внутренним правом государства, пределах проникновения международного права во внутреннее право, а равно пределах и возможностях трансформации внутреннего права под влиянием международных норм, закономерно выявляя как минимум две противоположные позиции, не способствуют переводу этих политических проблем в правовое русло. В таких условиях роль арбитра в разрешении споров в Российской Федерации взял на себя орган конституционной юстиции, в практике которого сформирован и представлен общественности правовой механизм согласования международного и внутреннего права, одинаково пригодный для использования в любых сферах правоотношений, в том числе и в области уголовного права. Суть его состоит в «двойной фильтрации» международно-правовых импульсов — через конституционные принципы российской государственности, включая представления о конституционной идентичности страны, и через уголовно-правовые принципы регулирования

³³ См.: законопроект № 464757-7 «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (в целях обеспечения реализации Федерального закона “О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иностранных государств”»).

³⁴ См.: законопроект № 340882-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления ответственности за оправдание геноцида русских».

³⁵ См.: законопроект № 111185-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

правоотношений. Такой механизм, основанный на идее неизблемости и неограничиваемости государственного суверенитета, а также широкой свободе усмотрения государства в определении степени приемлемости международных правовых норм, способен обеспечить внутреннюю стабильность и определенность уголовного права, по большому счету, оставляя вопросы гармонизации международного и национального правопорядка за пределами уголовного права. При этом он не создает правовых препятствий для экспансии уголовно-правовых устремлений государства в сферу международно-правовых и внешнеполитических отношений. Подобная ситуация продиктована степенью и качеством участия Российской Федерации в международных отношениях, а сам механизм становится оборонительно-наступательным средством реализации самостоятельного и независимого внутри- и внешнеполитического курса государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аксенова Г. Н.* Характер соотношения правового нигилизма и правового идеализма // Российско-Азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 6.
2. *Белов С.* Ценностное обоснование решений как проявление судебного активизма Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 147.
3. *Бибик О. Н.* Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 13.
4. *Бойко А. И.* Система и структура уголовного закона: в 3 т. Т. II. Системная среда уголовного права. Ростов н/Д., 2007. С. 152–157.
5. *Ведерникова О. Н.* Международно-правовые основы российского уголовного права и практики его применения // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 25 (711). С. 26.
6. *Ведерникова О. Н.* Национальные интересы России в международном уголовном праве: пути и способы обеспечения // Российское уголовное право: традиции, современность будущее: материалы науч. конф. / отв. ред. Н. И. Кропачев, Б. В. Волженкин. СПб., 2005. С. 181, 183.
7. *Гойман В. И.* Правовой нигилизм: пути преодоления // Сов. юстиция. 1990. № 9. С. 4.
8. *Дамаскин О. В.* Государство и право в условиях кризиса современной цивилизации // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2 (16). С. 106, 107.
9. *Кибальник А. Г.* Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. СПб., 2003. С. 184, 185.
10. *Клейменов И. М.* Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. С. 307.
11. *Комшукова О. В.* Стратегии легитимации решений Конституционного суда России: обоснование по политически значимым делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 121.
12. *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019.
13. *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. М., 2009.
14. *Марченко М. Н.* Государство и право в условиях глобализации. М., 2008.
15. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 г. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://www.ksrf.ru/> по состоянию на 28.10.2021 г.
16. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М., 1982. С. 231.
17. *Прозументов Л. М.* Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. С. 59.
18. *Пудовочкин Ю. Е.* Закономерности формирования и развития российской уголовной политики в условиях глобализации // Журнал рос. права. 2017. № 3 (243). С. 90, 91.
19. *Рахманова Е. Н.* Защита прав человека от преступности в условиях глобализации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 280, 281.
20. *Спиридонов А. П.* Уголовное право Российской Федерации и правовая глобализация: влияние и соотношение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006.
21. *Терновая Л. О.* Изоляционистские модели внешней политики // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 1 (103). С. 157–164.
22. *Хиллута В. В.* Философия глобализации уголовного права // Росс. журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 2 (19). С. 73–81.
23. *Шунеман Б.* Уголовное право под знаком глобализации // Современное уголовное право и криминология: сб. науч. ст. / отв. ред. А. Э. Жалинский. М., 2007. С. 107–120.
24. *Al-Refo M. Y. D. and Faqir R. S. A.* (2016). From Legal Translation to Legal Globalization: Globalization of Criminal Laws to Counter Global Crimes. International Journal of Social Science and Humanity. Vol. 6. No. 4. P. 275–281.
25. *Bierkens I. and Vlieks C.* (2015). Methods of Lawmaking of the European Court of Human Rights: Do Hard Cases make Bad Law? A Case Study. Tilburg Law Review. Vol. 20. P. 107–121.
26. *Cohn M. and Kremnitzer M.* (2005). Judicial Activism: A Multi-dimensional Model. Canadian Journal of Law & Jurisprudence. Vol. 18. No. 2. P. 333–356.
27. *Dickson T.* (2019). Furies: Essays on the Poverty, Rise, and Demise of International Criminal Law. Belgrade.
28. *Halliday T. C. and Osinsky P.* (2006). Globalization of Law. Annual Review of Sociology. Vol. 18. No. 32. P. 447–470.
29. *Jalloh C.* (2009). Regionalizing International Criminal Law? International Criminal Law Review. Vol. 9. No. 3. P. 445–499.
30. *Krever T.* (2013). International Criminal Law: An Ideology Critique. Leiden Journal of International Law. Vol. 26. No. 3. P. 701–723.
31. *Michaels R. C.* (2013). Globalization and Law: Law Beyond the State. P. 287–303 // *Banakar R. and Travers M. (eds).* Law and Social Theory. 2nd ed. Oxford and Portland, Oregon.
32. *Shapiro M.* (1993). The globalization of law. Indiana Journal of Global Legal Studies. Vol. 1. No. 1. P. 37–64.
33. *Shirin A. D., Khayavi A. E. and Shamloo B.* (2018). The globalization of criminal law focuses on organized crime. Revista Amazonia Investiga. Vol. 7. No. 12. P. 215–225.

REFERENCES

1. *Aksenova G. N.* The nature of the correlation of legal nihilism and legal idealism // Russian-Asian Legal Journal. 2020. No. 2. P. 6 (in Russ).
2. *Belov S.* Value substantiation of decisions as a manifestation of judicial activism of the Constitutional Court of the Russian Federation // Comparative Constitutional Review. 2012. No. 2 (87). P. 147 (in Russ).
3. *Bibik O. N.* Cultural dimension of criminal law and criminological research: abstract ... Doctor of Law. Ekaterinburg, 2015. P. 13 (in Russ).

4. *Boyko A.I.* The system and structure of Criminal Law: in 3 vols. Vol. II. The system environment of Criminal Law. Rostov n/D., 2007. P. 152–157 (in Russ).
5. *Vedernikova O.N.* International legal foundations of Russian Criminal Law and practice of its application // Herald of the MSLU. 2014. Issue 25 (711). P. 26 (in Russ).
6. *Vedernikova O.N.* Russia's national interests in International Criminal Law: ways and means of ensuring // Russian Criminal Law: traditions, modernity and the future: materials of the Scientific Conference / res. ed. N.I. Kropachev, B.V. Volzhenkin. SPb., 2005. P. 181, 183 (in Russ).
7. *Goyman V.I.* Legal nihilism: ways to overcome // Sov. justice. 1990. No. 9. P. 4 (in Russ).
8. *Damaskin O.V.* State and law in the conditions of the crisis of modern civilization // Citizen. Elections. Power. 2020. No. 2 (16). P. 106, 107 (in Russ).
9. *Kibalnik A.G.* Modern International Criminal Law: concept, tasks and principles. SPb., 2003. P. 184, 185 (in Russ).
10. *Kleimenov I.M.* Comparative criminology: criminalization, crime, criminal policy in the context of globalization: dis. ... Doctor of Law. Omsk, 2015. P. 307 (in Russ).
11. *Komshukova O.V.* Strategies for legitimizing decisions of the Constitutional Court of Russia: justification for politically significant cases: dis. ... PhD in Law. M., 2021. P. 121 (in Russ).
12. *Korobeev A.I.* Criminal law policy of Russia: from Genesis to the crisis. M., 2019 (in Russ).
13. *Lopashenko N.A.* Criminal policy. M., 2009 (in Russ).
14. *Marchenko M.N.* State and law in the context of globalization. M., 2008 (in Russ).
15. Methodological aspects of constitutional control (to the 30th anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation). Approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.10.2021). The text of the document is given in accordance with the publication on the website <http://www.ksrf.ru/> as of 28.10.2021 (in Russ).
16. Grounds of the criminal law prohibition. Criminalization and decriminalization / res. ed. V.N. Kudryavtsev, A.M. Yakovlev. M., 1982. P. 231 (in Russ).
17. *Prozumentov L.M.* Criminalization and decriminalization of acts. Tomsk, 2012. P. 59 (in Russ).
18. *Pudovochkin Yu.E.* Regularities of the formation and development of Russian criminal policy in the context of globalization // Journal of Russ. law. 2017. No. 3 (243). P. 90, 91 (in Russ).
19. *Rakhmanova E.N.* Protection of human rights against crime in the context of globalization: dis. ... Doctor of Law. M., 2010. P. 280, 281 (in Russ).
20. *Spiridonov A.P.* Criminal Law of the Russian Federation and legal globalization: influence and correlation: abstract ... Doctor of Law. SPb., 2006 (in Russ).
21. *Ternovaya L.O.* Isolationist models of foreign policy // Ethnosocium and interethnic culture. 2017. No. 1 (103). P. 157–164 (in Russ).
22. *Khilyuta V.V.* Philosophy of globalization of Criminal Law // Russ. Journal of Legal Studies. 2019. Vol. 6. No. 2 (19). P. 73–81 (in Russ).
23. *Shuneman B.* Criminal Law under the sign of globalization // Modern Criminal Law and criminology: collection of scientific articles / res. ed. A.E. Zhalinsky. M., 2007. P. 107–120 (in Russ).
24. *Al-Refo M.Y.D. and Faqir R.S.A.* (2016). From Legal Translation to Legal Globalization: Globalization of Criminal Laws to Counter Global Crimes. International Journal of Social Science and Humanity. Vol. 6. No. 4. P. 275–281.
25. *Bierkens I. and Vlieks C.* (2015). Methods of Lawmaking of the European Court of Human Rights: Do Hard Cases make Bad Law? A Case Study. Tilburg Law Review. Vol. 20. P. 107–121.
26. *Cohn M. and Kremnitzer M.* (2005). Judicial Activism: A Multi-dimensional Model. Canadian Journal of Law & Jurisprudence. Vol. 18. No. 2. P. 333–356.
27. *Dickson T.* (2019). Furies: Essays on the Poverty, Rise, and Demise of International Criminal Law. Belgrade.
28. *Halliday T.C. and Osinsky P.* (2006). Globalization of Law. Annual Review of Sociology. Vol. 18. No. 32. P. 447–470.
29. *Jalloh C.* (2009). Regionalizing International Criminal Law? International Criminal Law Review. Vol. 9. No. 3. P. 445–499.
30. *Krever T.* (2013). International Criminal Law: An Ideology Critique. Leiden Journal of International Law. Vol. 26. No. 3. P. 701–723.
31. *Michaels R.C.* (2013). Globalization and Law: Law Beyond the State. P. 287–303 // *Banakar R. and Travers M. (eds).* Law and Social Theory. 2nd ed. Oxford and Portland, Oregon.
32. *Shapiro M.* (1993). The globalization of law. Indiana Journal of Global Legal Studies. Vol. 1. No. 1. P. 37–64.
33. *Shirin A.D., Khyavi A.E. and Shamloo B.* (2018). The globalization of criminal law focuses on organized crime. Revista Amazonia Investiga. Vol. 7. No. 12. P. 215–225.

Сведения об авторе

ГЕНРИХ Наталья Викторовна — доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия; 350020 г. Краснодар, ул. Красных Партизан, д. 234

Authors' information

GENRIKH Natalya V. — Doctor of Law, associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice; 234, Krasnykh Partizan str., 350020 Krasnodar, Russia